

1965

Ol Nau

На ходу

Ol Nau На ходу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72453049

SelfPub; 2025

Аннотация

Сквозь пустыню со стуком колёс и облаками чёрного дыма, вырывающегося из трубы, мчался поезд. Паровоз, выкрашенный в глубокий чёрный цвет, гордо нёс на своём фронте ярко-красную звезду, символ эпохи. Так начинается история парня, встретившего девушку своей мечты в поезде. Но непредвиденный поворот уводит его далеко и на долго от неё. Он переживает и преодолевает трудности на жизненном пути, где путеводной звездой по-прежнему остаётся юная барышня из того поезда.

Содержание

Глава 1. Путешествие к мечтам. Песчаная равнина и чёрный паровоз	4
Глава 2. Падение надежд. Арест на станции	16
Глава 3. Внутри учреждения	22
Глава 4. Сон и пробуждение	32
Глава 5. На причале: игра в кошки-мышки. Улов на причале	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ol Nau

На ходу

Глава 1. Путешествие к мечтам. Песчаная равнина и чёрный паровоз

1965 год СССР.

Голубое небо раскинулось бескрайним куполом над песчаной равниной, простирающейся до самого горизонта. Вдалеке, словно стражи, возвышались серые скалы, чьи острые края будто резали небо. Равнина, лишённая даже намёка на зелёную травинку, казалась бесконечной, а жаркое солнце отражалось в песке, создавая иллюзию дрожащего марева. Сквозь эту пустынную тишину с громким стуком колёс и облаками чёрного дыма, вырывающегося из трубы, мчался поезд. Паровоз, выкрашенный в глубокий чёрный цвет, гордо нёс на своём фронте ярко-красную звезду, символ эпохи. Его массивные колёса с ритмичным грохотом врезались в рельсы, словно сердце гигантского механического зверя, несущегося вперёд.

Внутри одного из вагонов, в центре состава, царила оживлённая атмосфера. Пассажиры, сидящие на деревянных ска-

мьях из светлых, гладко отполированных досок, переговаривались, смеялись или просто молчали, погружённые в свои мысли. Вагон был просторным, но уютным: деревянные панели на стенах отражали тёплый свет, проникающий через большие окна, а потолок, покрашенный в кремовый цвет, добавлял лёгкости. Пол был слегка блестящим от частой уборки, а в проходе между рядами сидений чувствовался лёгкий запах машинного масла и древесины.

В середине вагона, у окна, сидела девушка. Её тёмные волосы, аккуратно подстриженные в стильное каре, лежали мягкими волнами, обрамляя утончённое лицо. Она была одета в светло-серый костюм, состоящий из приталенного короткого жакета, застёгнутого на аккуратные пуговицы и юбки. На ногах – чёрные сапоги до колена, подчёркивающие её стройную фигуру. На коленях она держала большой узелок из светлого бежевого платка, завязанного накрест, а рядом, справа, стоял ещё один, поменьше, из той же ткани. Вместо сумки или чемодана у неё были эти узелки, которые, казалось, хранили всё её скромное имущество. Девушка задумчиво смотрела в окно, опираясь левой рукой на подоконник и подпирая голову кулаком. За окном проносилась бескрайняя песчаная равнина, однообразная и пустынная, но её взгляд был устремлён куда-то вдаль, словно она видела нечто большее, чем просто пейзаж.

Песок за окном казался бесконечным морем, словно застывшем во времени. Солнце, стоящее высоко в зените, за-

ливало равнину золотистым светом, отражаясь от песчинок, которые искрились, словно драгоценные камни. Время от времени поезд проезжал мимо одиноких каменных глыб, торчащих из песка, как древние монументы, забытые всеми. Эти редкие ориентиры лишь подчёркивали пустоту и одиночество местности. Девушка, погружённая в свои мысли, едва замечала эти детали, её взгляд был рассеянным, а лицо выражало смесь скуки, усталости и решимости.

В вагоне было шумно: кто-то громко обсуждал последние новости, а кто-то просто читал газету, шелестя страницами. Но в её сегменте, на лавке напротив, никого не было. Это создавало вокруг неё невидимую зону уединения, словно она была отделена от всех остальных не только пространством, но и своими мыслями. Её узелки, аккуратно сложенные и завязанные, казались единственными её спутниками в этом путешествии. Она то и дело поправляла платок на коленях, будто проверяя, всё ли на месте, а затем снова возвращалась к созерцанию пейзажа за окном. Её лицо, освещённое мягким светом, выглядело спокойным и сдержанным.

Неожиданный попутчик

Внезапно её уединение было нарушено. Молодой человек в чёрной форменной одежде вошёл в её сегмент вагона. На голове у него была высокая фуражка с красной звездой, а сам он был одет в аккуратно выглаженный костюм: чёрные

брюки и жакет, застёгнутый под горло на золотистые пуговицы, сияли чистотой и порядком. На ногах – чёрные туфли, блестящие, словно только что начищенные. Он нёс с собой чемодан, который поставил рядом с сидением напротив сидящей девушки, у прохода, а сам сел на край скамьи, ближе к своему багажу. Его внешность была заурядной, но привлекательной: правильные черты лица, прямой взгляд и лёгкая уверенность в движениях делали его заметным среди других пассажиров.

Девушка, не отрывая взгляда от окна, продолжала смотреть на проносящуюся равнину. Её поза оставалась неизменной, словно она не заметила нового попутчика. Песок за окном всё так же искрился под солнцем, а скалы на горизонте, казалось, стали чуть ближе. Поезд двигался быстро, с размеренным стуком колёс. Вагон слегка покачивался на рельсах, создавая убаюкивающий ритм, но девушка, несмотря на внешнюю расслабленность, была напряжена. Её пальцы, лежащие на узелке, слегка сжались, когда молодой человек обратился к ней.

– Вы выходите сейчас на ближайшей станции? – его голос был спокойным, но с ноткой любопытства.

В своей голове он уже представил, как поезд подъезжает к небольшому перрону. Тонкие серые столбы поддерживали крышу, защищающую от солнца, а справа виднелась касса, окружённая редкими пассажирами. Слева, у самого края перрона, стояла небольшая кабинка поста милиции, а рядом

с ней – выход вниз, к пыльной дороге, ведущей в неизвестность. Перрон выглядел простым, но функциональным: скамейки из светлого дерева, несколько фонарей, готовых загореться с наступлением вечера, и табличка с названием станции, выцветшая от времени, но всё ещё читаемая. В его воображении поезд замедлял ход, скрипя тормозами, а пассажиры начинали собирать свои вещи, готовясь к выходу.

Девушка, не поворачивая головы, ответила сухо:

– Нет, я поеду до города.

Её голос был ровным, без намёка на желание продолжить разговор. Она продолжала смотреть в окно, где песчаная равнина всё так же простиралась до горизонта, а скалы, казалось, стали чуть чётче в солнечном свете. Её пальцы снова сжали край узелка, а поза стала ещё более закрытой. Она явно не хотела общения, но парень, словно не замечая её холодности, продолжил:

– А, ну тогда нам по пути.

Его тон был лёгким, почти дружелюбным, но девушка тут же отрезала:

– Нет, нам не по пути. Я вас не знаю и знакомиться с вами не собираюсь.

Её слова прозвучали резко, но парень не смутился. Он слегка улыбнулся, будто её холодность только подогрела его интерес.

– Ну, я и не напрашиваюсь на знакомство. Просто говорю, что еду до города, и нам по пути.

Девушка, всё ещё не глядя на него, ответила с пренебрежением:

– Нет, это совсем не значит, что нам по пути. Это значит, что у вас своя дорога, а у меня своя, и мы едем лишь в одном поезде.

Её голос стал твёрже, а взгляд, направленный в окно, сделался ещё более отстранённым. За окном песок начал казаться чуть темнее – солнце клонилось к горизонту, и тень от поезда стала длиннее, создавая причудливый узор на равнине. Вагон слегка дрогнул на повороте, и звук колёс стал чуть громче, словно подчёркивая напряжение, повисшее между двумя пассажирами.

Парень, не теряя уверенности, рассмеялся:

– А, так вы, значит, такая холодная и расчётливая, что не станете знакомиться с парнями, которых встретили в поезде? Хотите в городе найти себе жениха? Ха-ха-ха.

Его смех был громким и несколько пассажиров в соседних рядах обернулись, но тут же вернулись к своим делам. Девушка, наконец, повернула голову, но лишь для того, чтобы бросить на него холодный взгляд. Её глаза, тёмные и глубокие, сверкнули.

– Нет, вы не поняли. Я не ищу себе жениха. Я ищу работу, которая меня удовлетворит и сделает достойным членом общества, в котором я живу. Собираюсь найти своё место в жизни, став педагогом в большой городской школе, где буду преподавать и учить детей. Таких, как вы, чтобы знали своё

место и не приставали к посторонним женщинам в поезде.

Её слова были острыми. Парень снова рассмеялся, но на этот раз смех был чуть тише.

– Ха-ха-ха. Как смешно. Теперь я точно знаю, где вы будете работать, и найду вас в школе.

Для девушки его слова прозвучали почти как угроза, и она, почувствовав тревогу, снова отвернулась к окну. Её сердце заколотилось быстрее, а пальцы, сжимающие узелок, побелели от напряжения. Она начала подозревать, что этот парень может последовать за ней в городе или даже преследовать её. Её взгляд метнулся в сторону окна, но теперь она смотрела на своё отражение в стекле, а не на пейзаж. Солнце спускалось ниже, и равнина за окном окрасилась в тёплые оранжевые тона, но это не приносило ей никакого умиротворения. Она нервничала всё больше, стараясь не смотреть на парня, но чувствуя его взгляд, который, казалось, прожигал её насквозь.

Напряжение и мечты

Парень, сидящий напротив, не отводил от неё глаз. Её фигура в светлом сером костюме выделялась на фоне простоты вагона, словно она была не из этого мира. Деревянные скамьи, кремовый потолок и лёгкий гул голосов вокруг казались лишь фоном для её присутствия. Он хотел привлечь её внимание, но она упорно игнорировала его, глядя в окно.

Её поза – рука на подоконнике, голова, опирающаяся на кулак, – была закрытой, почти отталкивающей. Он опустил голову, упёршись локтями в колени, и начал искоса поглядывать на неё, стараясь понять, что в ней такого, что так сильно его зацепило.

В его голове начали рождаться образы. Он представил себя не простым солдатом, а командиром, значимой фигурой в своей профессии. Он видел казарму: просторное помещение из тёмно-серых досок, с узкими окнами под потолком, через которые пробивались тонкие лучи утреннего света. Внутри – ряды двуспальных кроватей, выстроенных в идеальном порядке, по два ряда от центрального прохода. Новобранцы в чёрной форме, с фуражками на головах и блестящими туфлями на ногах, быстро собирались, чтобы выйти на площадь. Там, под высоким шестом с развевающимся флагом, стоял командир в форме цвета хаки, с красной звездой на фуражке и чёрными сапогами до колена. Этот командир отдавал честь, а бойцы, выстроенные в шеренгу, повторяли за ним. В его мечтах он сам становился этим командиром, человеком, которого уважают и которому подчиняются.

Он видел себя в зелёной форме, с орденами на груди, отдающим честь перед строем из двадцати бойцов. Звезда на фуражке сияла на солнце, а взгляд был твёрдым и уверенным. Он знал, что только так, достигнув высот в своей карьере, он сможет произвести впечатление на эту девушку, сидящую напротив. Она, с её холодностью и амбициями, не

посмотрит на простого солдата. Её привлекут только достижения, только статус. Он представил, как приходит в большую городскую школу, где она уже работает педагогом, уважаемым среди коллег и учеников. Он видел её в окружении других учителей, мужчин, которые могли бы заинтересовать её, и его сердце сжалось. Он ещё даже не знал её имени, но мысль о том, что кто-то другой может быть рядом с ней, уже причиняла ему страдания.

Его взгляд снова упал на девушку. Она, словно чувствуя его внимание, опустила глаза на свои колени, явно испытывая неловкость. Её пальцы нервно теребили край узелка, а поза стала ещё более скованной. Он понимал, что она никогда не снизойдёт до общения с ним, если он не станет кем-то значимым. В его мечтах он видел себя в полной выправке, с орденами на груди, отдающим честь, приложив руку к высокой фуражке. Только так он мог бы привлечь её внимание.

«Да, тяжёлая задачка мне предстоит с этой королевой», — подумал он. Но в то же время он был уверен в своих силах. Он знал, что таких целеустремлённых, умных и опытных бойцов, как он, можно пересчитать по пальцам. Его цель стала ясна: добиться успеха в городе, стать лучшим в своей профессии и завоевать не только её внимание, но и её любовь. Он хотел быть с ней на равных, а может, даже выше неё. Теперь у него была мечта, ради которой стоило жить и бороться.

Он крутил в руках свою фуражку, изредка поглядывая на

девушку. Она, утомлённая долгой дорогой и напряжением от разговора, задремала. Её голова слегка склонилась к окну, а рука, всё ещё лежащая на узелке, расслабилась. Вагон продолжал покачиваться на рельсах, а за окном простиралась бесконечная песчаная равнина.

Нарушение границ

Парень, воспользовавшись моментом, тихо подсел ближе к ней. Его движения были осторожными, чтобы не разбудить её. Он взглянул на небольшой узелок, стоящий рядом с ней, и, после секундного колебания, аккуратно развязал его. Внутри он нашёл документы – паспорт, в котором было написано её имя: Алина Псковская из города Казань. Его взгляд смягчился, а губы тронула лёгкая улыбка. Он аккуратно завязал узелок обратно, вернув всё на место, и нежно коснулся её запястья левой руки. Она продолжала спать, не замечая его прикосновения. Он сидел рядом, держа её руку, и откинулся на спинку сиденья, погружённый в свои мечты. В его воображении он снова был важным офицером в зелёной форме, с орденами на груди, а она смотрела на него с восхищением.

Но вдруг её ресницы дрогнули, и она открыла глаза. Увидев, что он сидит рядом и держит её за руку, она резко подскочила, её лицо исказилось. Выдернув руку, она схватила свой узелок.

– Вы что творите? – её голос дрожал от возмущения. – Вы почему меня держали за руку, сукин сын ты этакий? Я на вас пожалуюсь на ближайшей станции! Раз вы такой маньяк и цепляетесь к женщинам, хватаете их за руки во сне!

Её крик привлёк внимание других пассажиров, которые начали оборачиваться, шептаться и переглядываться. Поезд как раз замедлял ход, подъезжая к очередной станции. За окном уже виднелся перрон. Алина, не теряя времени, схватила свои узелки и, как только поезд остановился, выскочила на перрон. Её шаги были быстрыми, почти бегом, и она направилась прямо к будке милиционера, стоящей слева от выхода.

Милиционер, заметив её взволнованный вид, тут же свистнул, подзывая коллег. Вместе они вернулись к вагону, где всё ещё сидел парень, ошарашенный происходящим. Его лицо выражало полное непонимание, а руки, всё ещё сжимали фуражку. Милиционеры, одетые в строгую форму, обступили его, и один из них, высокий и широкоплечий, произнёс твёрдым голосом:

– Гражданин, пройдёте с нами для выяснения обстоятельств дела в случае о нападении на женщину в поезде. Мы должны разобраться в произошедшем с гражданкой и вами.

Парень, не сопротивляясь, поднялся, всё ещё не понимая, как его действия могли быть восприняты настолько серьёзно. Вагон, в котором только что царила тишина, теперь наполнился шёпотом и любопытными взглядами. За окном

перрон постепенно пустел, а поезд, издав протяжный гудок, готовился продолжить свой путь.

Глава 2. Падение надежд.

Арест на станции

Прохлада окутывала маленькую станцию, затерянную среди бескрайней песчаной равнины. Платформа была выложенная серым камнем, поддерживаемая тонкими металлическими столбами, отбрасывала длинные тени на землю. Поезд, из которого только что вышли пассажиры, стоял на рельсах, пыхтя паром, а его чёрный паровоз с красной звездой на фронте выглядел монументально.

Парень, всё ещё ошеломлённый происходящим, собрал свои вещи: надел фуражку с красной звездой, взял в руки коричневый кожаный чемоданчик, аккуратно застёгнутый на латунные пряжки, и последовал за милиционерами к выходу из вагона. Его шаги были тяжёлыми, а лицо выражало смесь растерянности и непонимания происходящего. На платформе его ждали три милиционера в строгой форме, их лица были непроницаемы, а в руках одного из них поблёскивали металлические наручники. Девушка, Алина, стояла чуть поодаль, у одного из столбов, поддерживающих крышу перрона. Её светло-серый костюм выделялся на фоне станции, а узелки из бежевого платка, которые она крепко сжимала, казались её единственной опорой. В её глазах читался страх, смешанный с отвращением, когда она смотрела на парня.

Для неё он теперь был не просто навязчивым попутчиком, а настоящим чудовищем, преследующим женщин с непонятными намерениями.

Когда на парня надели наручники, его взгляд невольно устремился к Алине. Её лицо казалось ещё более хрупким и уязвимым. Она, заметив его взгляд, отвернулась, пытаясь спрятать свои глаза, полные тревоги. Её руки нервно сжимали узелки, а плечи слегка дрожали от напряжения. Парень же смотрел на неё, словно зачарованный, не в силах оторвать взгляд. Её образ, такой холодный и недоступный, запечатлелся в его памяти, но теперь этот образ был омрачён её страхом и его собственным унижением. Наконец, не выдержав, он отвёл глаза в сторону, посмотрев на верхний угол станции, на металлическую крышу. На его глазах начали наворачиваться слёзы – от непонимания, разочарования и осознания того, что его жизнь рушится прямо на глазах.

Он опустил голову, чувствуя, как холод металла наручников сковывает его запястья. Мысли о том, что эта ситуация может повлиять на его служебные успехи и мечты о будущем, жгли его изнутри. Теперь он понимал, что в глазах этой женщины он навсегда останется лишь преступником, человеком в наручниках, которого она будет бояться и презирать. Слёзы подступали всё сильнее, и он старался смотреть в сторону, чтобы не видеть её перед собой и не пугать её ещё больше своим видом. В его сердце зрело горькое осознание: его жизнь сломана, и он никогда не сможет предстать перед ней

в образе бравого офицера, о котором мечтал. «Какой же я дурак, – думал он, – зачем я подсел к ней, зачем взял её за запястье?» Слёзы душили его, и он не мог сдержать их, чувствуя, как они текут по щекам.

Алина, заметив его слёзы, посмотрела на него с раздражением. Её голос, холодный и резкий, разрезал тишину станции:

– Ну вот, ты чего плачешь? Тебя ведь в тюрьму не посадили, а ты тут нюни разводишь. Вот ещё, а мужиком приставал к посторонним женщинам в поезде. Ишь какой нашёлся насильник и преследователь.

Её слова, словно удары, окончательно подкосили парня. Он не понимал, как теперь сможет добиться этой строптивой, но такой притягательной женщины, которая сейчас вытирала об него ноги. В её глазах он был ничтожеством, человеком, который якобы собирался её изнасиловать. Это осознание терзало его, и он чувствовал, как в груди закипает злость. Он поднял голову и посмотрел на неё с вызовом, его взгляд стал жёстким.

– А что я тебе такого сделал, что ты со мной так поступила? Зачем это всё? – он показал свои руки в наручниках, на которых висела часть его одежды, скрывая металл от посторонних глаз. – Тебе что, нечем заняться, как только портить людям жизнь, которые посмотрели на тебя в поезде и хотели познакомиться, просто по-человечески общаясь, всего лишь взяв за руку, когда ты спала?

В голове снова всплыл образ офицера, которым он мечтал стать. Но реальность вернула его на землю: он опустил голову и дёрнул её влево, подальше от Алины, не желая больше видеть её презрительный взгляд.

Обвинения и непонимание

Алина, стоящая в стороне, посмотрела на него с ещё большим недовольством. Её лицо выражало уверенность в своей правоте. Она была убеждена, что перед ней насильник, который хотел её преследовать, а теперь пытается выставить её душой, не знающей своего места. Это только сильнее разозлило её, и она шагнула вперёд, бросив с негодованием:

– Ах, вот как ты заговорил! Значит, это я дура, что не позволила тебе хватать меня за руку и тащить куда-то, чтобы ты смог насладиться моим телом где-то в тамбуре поезда, изнасиловав меня?

Её слова прозвучали громко, и несколько зевак, стоящих неподалёку на перроне, обернулись, перешёптываясь. Парень, ошеломлённый её обвинениями, уставился на неё с широко открытыми глазами.

– Я? Да как ты могла такое подумать, женщина, про случайного парня, который просто подсел к тебе и взял тебя за руку, потому что ты ему понравилась?

Слово «п понравилась» тут же привлекло внимание милиционеров. Один из них, высокий мужчина с суровым лицом,

шагнул ближе, внимательно глядя на парня, словно на потенциального уголовника. Его взгляд был тяжёлым, а голос – строгим и обвиняющим:

– Значит, вы признаёте, что напали на женщину в поезде, потому что она вам понравилась?

Милиционер указал на Алину рукой, продолжая сверлить парня взглядом. В его тоне чувствовалась решимость: он, как слугитель закона, должен был исполнить свой долг, защитить честь и достоинство девушки, а этого парня, по его мнению, следовало задержать и передать суду. Он бросил взгляд на Алину, и в его глазах мелькнуло что-то вроде восхищения. Её миловидность и привлекательность не могли остаться незамеченными.

– Теперь я понимаю, чем она вам так понравилась, – добавил он с лёгкой усмешкой, продолжая смотреть на девушку.

Парень, всё ещё в наручниках, перевёл взгляд на лицо милиционера и заметил, что тот смотрит на Алину с тем же интересом, который испытывал он сам. Его сердце сжалось от ужаса, когда он посмотрел на девушку и увидел, что она, в свою очередь, смотрит на милиционера с потенциальной благосклонностью, словно на героя, спасшего её от опасности. Это стало для парня последней каплей. Он понял, что теперь у него появился конкурент в лице этого милиционера, который выглядел как защитник, а она, возможно, будет благодарна ему и станет смотреть на него с интересом. Это осознание окончательно подкосило его. Он опустил голову,

чувствуя себя не просто ничтожеством, а пустым местом в её глазах.

«Алина, значит, Псковская, – думал он, – я тебя запомнил, и ты меня запомнить должна». Его разочарование переросло в тёмную решимость. Он кивал головой, словно соглашаясь с неизбежным, но где-то внутри начали копошиться тёмные мыслишки. «Ты ещё пожалеешь, что так поступила со мной, – думал он. – Я отомщу тебе и лишу тебя будущего, так же, как ты это сделала со мной». Он понимал, что его дорога катится по наклонной, но не собирался смиряться. В его голове рождались мрачные планы: он хотел утащить её за собой в ту пропасть, в которую она его столкнула. «Теперь ты будешь моей, но не так, как хотела ты, а как хочу я», – думал он, представляя, как вернётся за ней, заставит её плакать, умолять, чтобы отомстить за всё, что она с ним сделала. Эти мысли сопровождали его, пока он шёл за милиционером по плацу, выложенному серым камнем, к высокому серому зданию, возвышающемуся перед ним.

Глава 3. Внутри учреждения

Здание, в которое его привели, выглядело строго и официально. Фасад из серого камня был гладким, а некоторые высокие окна с металлическими решётками. Входные двери, массивные и тяжёлые, были покрашены в тёмный цвет, а над ними висела табличка с золотистыми буквами, указывающая на назначение учреждения. На входе его оформил дежурный и они прошли внутрь учреждения налево.

Сразу за дверями находился просторный вестибюль с высоким потолком, покрашенным в белый цвет, и светло-жёлтыми стенами, на которых висели грамоты и благодарности в аккуратных рамочках. Нижняя часть стен была отделана деревянными панелями тёмно-коричневого оттенка, блестящими от частой полировки. Пол, выложенный светлым кафелем, отражал свет ламп, создавая ощущение стерильности и порядка.

Вдоль стен коридора, ведущего из вестибюля, стояли деревянные стулья с резными спинками, предназначенные для посетителей. Перед множеством дверей, расположенных по обе стороны коридора, чувствовалась атмосфера деловитости: из-за некоторых дверей доносились голоса, где-то стучала пишущая машинка, а где-то раздавался звонок телефона. Парень шёл за милиционером по левую сторону прохода, его шаги отдавались эхом по кафельному полу. Через несколько

дверей они свернули налево и вошли в кабинет.

Кабинет был небольшим, но функциональным. В центре стояли два стола, заваленные бумагами и папками, а рядом с ними – стулья с мягкими сиденьями, обитыми тёмной тканью. На стенах висели полки, заставленные аккуратно расставленными папками, а в углу стояла металлическая стойка с документами. Окно было расположено за одним из столов. В кабинете было тепло, а воздух наполнен запахом чернил и бумаги.

Один из следователей, сидящий за столом, указал парню на стул напротив. Второй следователь, постучав торцом папок по столу, вышел из кабинета, оставив их наедине. Милиционер, приведший парня, остался стоять за его спиной, словно охраняя. Следователь, мужчина средних лет с серьёзным выражением лица, что-то записывал в бумагах, не обращая внимания на вошедших. Затем он отложил ручку, положил папку к стопке из десяти других, лежащих слева на столе, и посмотрел на милиционера.

– А вы можете идти, – сказал он, махнув рукой.

Милиционер кивнул и вышел, оставив парня наедине со следователем. Тот снова принялся что-то писать, не обращая внимания на сидящего перед ним молодого человека. Наконец, закончив, он отложил ручку и обратился к парню с холодной строгостью:

– А вы, молодой человек, что хулиганите в поезде? Почему пристаёте к девушкам и не даёте им проходу?

Парень, ёрзая на стуле, ответил:

– А я этого не делал. Я только хотел познакомиться с де-вушкой, которая мне понравилась, и когда она уснула, я подсел и взял её за руку, поддержать. А она проснулась, испугалась и с перепугу наплела с три короба про меня, что я хотел затащить её в тамбур и изнасиловать. А у меня в мыслях такого не было, наоборот, хотел стать офицером и понравиться ей, а не насиловать в поезде, как она это утверждает. Она вообще ничего не поняла и побежала к милиционеру на ближайшей станции, а тот сразу, выведя меня из поезда, надел на меня наручники и привёл к вам сюда.

Следователь, внимательно слушая, сделал несколько пометок в бумагах, а затем уточнил:

– Так вы утверждаете, что никаких неправомерных действий против гражданки не совершали и совершенно беспочвенно обвинены в действиях, которые не имеют к вам никакого отношения?

– Совершенно верно, именно так я и сказал, – ответил парень, стараясь говорить уверенно.

Искажение слов

Следователь, не меняя выражения лица, продолжил:

– Так вы утверждаете, что не насиловали её, а только взяли за руку, когда она спала?

Парень, чувствуя подвох, но не понимая, куда клонит сле-

дователь, ответил:

– Насиловал? Как вам такое в голову могло прийти? Я её пальцем не тронул.

Но тут же он осёкся, вспомнив, что действительно взял её за кисть руки. Следователь тут же уцепился за его слова:

– Даже пальцем не тронули? А минуту назад говорили, что схватили её за руку и тащили...

– Нет, я такого не говорил! Я не тащил её, я её за руку, за запястье взял, и всё. Я её никуда не тащил. Это она утверждает, что я хотел в тамбуре изнасиловать, – поспешил оправдаться парень.

Следователь, не отрывая взгляда от бумаг, продолжил холодно:

– Так вы её хотели изнасиловать в тамбуре. Так и запишем.

Парень, чувствуя, как земля уходит из-под ног, воскликнул:

– Да нет же! Как вы могли такое подумать про меня? Я солдат, я хотел выслужиться и стать офицером, а вы утверждаете невесть что про меня со слов этой барышни только потому, что я случайно в поезде взял её за руку, когда она спала.

Следователь, не поднимая глаз от листа, продолжил:

– Так вы хотите сказать, что, схватив её за руку, потащили насиловать её в тамбур, зажимая в углу?

Парень, не выдержав, подскочил на стуле:

– Что вы несёте? Я сроду не говорил...

Но следовательно, не дав ему договорить, прервал:

– Нет, не говорили. А у меня здесь с ваших слов записано, что вы схватили её за руку, и она в ужасе проснулась, оказавшись в тамбуре, где вы её насиловали.

Парень, в полном отчаянии, закричал:

– Что вы такое несёте? Я такого точно не говорил, зачем вы перевираете мои слова и записываете...

Следователь быстро строчил что-то ручкой по бумаге, не обращая внимания на его возражения. Парень подскочил, пытаясь заглянуть в листок, исчерканный чернилами, но следователь махнул рукой милиционерам, стоящим у входа. Те подошли, крепко схватили его за руки и повели вдоль коридора, мимо других кабинетов. Пол под ногами блестел, отражая свет ламп, а стены, казалось, сжимались вокруг него. Наконец, они привели его в помещение с решёткой, куда его и посадили.

Он взялся руками за холодный металл решётки, а снаружи на него смотрел милиционер с презрительной усмешкой.

– Ну что, допрыгался, голубчик? Будешь знать, как насиловать женщин в поезде.

Парень, чувствуя, что оказался в неразрешимой для себя ситуации, пробормотал:

– Я никого не трогал...

Но внезапно он понял, что, что бы он ни сказал, ему никто не поверит. Его жизнь сломана, и ничего хорошего впереди

не ждёт. Мечты о том, чтобы стать офицером с погонами, выправкой и орденами, растаяли, как утренний туман над песчаной равниной. Он опустил голову, чувствуя, как холод решётки проникает в его ладони, и осознал, что его заветное будущее из грёз никогда не станет реальностью.

В ночи: падение и возрождение.

Клетка как новый дом

Парень оказался заперт за решёткой в небольшой камере, где пол, выложенный светлым кафелем, блестел от чистоты, а в углу стояла деревянная лавка с ровной поверхностью, на которой можно было сидеть или лежать. Решётка, отделяющая его от свободы, сияла металлическим блеском, словно подчёркивая его безысходность. Воздух в помещении был прохладным, но всё вокруг выглядело аккуратно и строго, как и подобает месту, где вершатся судьбы.

Парень, сидящий на лавке, чувствовал, как в груди закипает злоба. Он понимал, что теперь его будут считать уголовником, человеком, которого все презирают и ненавидят, видя в нём насильника женщин. В его воображении рисовались картины, где его преследуют, уничтожают, бьют и делают невесть что с такими, как он, – отбросами общества. Эта мысль жгла его изнутри, а враждебность нарастала, направленная на весь мир: на Алину, на милиционера, на эту камеру, на само здание, в котором он оказался заперт. Он

чувствовал, что эта клетка станет его домом, местом, из которого он никогда не выберется. «Если они хотят видеть во мне насильника и садиста, — думал он, — то я стану именно таким. Я буду насильником, садистом, убийцей, преследователем граждан в ночи, когда свет в домах загорается, а на улице царит тьма».

В его мрачных фантазиях он видел себя выходящим на улицы в тёмном пальто и кепке, чтобы преследовать и нападать на женщин, заставлять их страдать, убивать и насилловать, чтобы они ненавидели его заслуженно, а не просто потому, что кто-то указал на него пальцем. Внутри него разрасталось опустошение, и, сев на лавку, он больше ничего не предпринимал. Он понял, что, что бы он ни сказал, ему никто не поверит. Все хотят видеть в нём лишь отброса общества, насильника, которого нужно преследовать и уничтожать. Его мысли были чёрными как ночь, в которую не было видно ни звёзд, ни луны, лишь тьма, отражающая его внутреннее состояние.

Внезапно в дверях появился офицер его части. Его форма, аккуратно выглаженная, с блестящими пуговицами и звездой на фуражке, выглядела безупречно. Он подошёл к решётке, его лицо выражало смесь презрения и разочарования. Громким, резким голосом он произнёс:

– Ну что же ты так вляпался, сукин сын? Я тебе сейчас zenки раскрою на твоё будущее. Ты больше никогда не будешь служить в части среди порядочных солдат и офицеров.

Его возмущение и негодование усиливались с каждым словом, он махал пальцем, указывая на парня, словно тот был худшим из людей.

– Ты никогда, слышишь, никогда не будешь служить в армии среди честных, порядочных воинов, защищающих свою страну, своих граждан, своих женщин от вредителей всего мира. Ты чудовище, которое должно умереть в презрении.

Офицер, закончив свою тираду, плюнул в сторону парня через решётку, развернулся и вышел, не оглядываясь. Его тяжёлые шаги эхом отдавались по коридору, пока не стихли вдали.

Разочарование и переосмысление

Парень, не поднимая головы, сидел на лавке, чувствуя, как в груди нарастает неприязнь. Этот офицер, на которого он равнялся, оказался в его глазах лишь жирным, грубым чело-веком, который ни во что не ставил своих подчинённых. Тот, кого он считал своим идеалом, на кого хотел быть похожим, оказался просто подлецом, бросившим его в беде. Вместо того чтобы защищать своего солдата, выяснять правду или беседовать со следователем, офицер просто пришёл, обвинил его во всех грехах, плюнул в него и вытер об него ноги.

«Так-так, – думал парень, – я на этого ублюдка хотел равняться? Это ему я хотел подчиняться и вылизывать сапоги, чтобы стать таким, как он, офицером, бравым, с медалями и

выправкой?» Он сплюнул вправо, чувствуя отвращение. Теперь он больше не хотел знать ни этого офицера, ни его подчинённых, ни всю эту часть солдат, которые в его глазах превратились в пешек, разменные монеты, которых выбросят, стоит им попасть в неприятность. Он дёрнул головой вправо, осознавая, что сейчас у него именно такая неприятность, а бравый офицер, который должен был позаботиться о своём подчинённом, просто плюнул в него и ушёл.

«Так-так, значит, это даже к лучшему, что я не вляпался в это военное дерьмо, — размышлял он. — Эта женщина показала, где я на самом деле был в части, моё место. К нему с самого начала относились как к дерьму, об которое вытирали ноги. Я никогда бы не стал офицером среди этих солдат просто потому, что они все там ничтожества, и никто из них никогда не станет чем-то большим». Он слегка кивнул, соглашаясь с собственными рассуждениями, видя мир в новом, мрачном свете. Теперь он точно знал, что ему нечего делать среди этих «уважаемых», которые носят маски лицемерия, преследуя лишь свои цели, попирая и уничтожая любого на своём пути, кто мешает их интересам.

Он понял, что никто из них не стоит выеденного яйца и уж точно не стоит тех усилий, которые он вкладывал в свой рост и развитие как достойного члена общества. Теперь он знал, что это пустое занятие не для него. Он пойдёт другим путём, найдёт своё место там, во тьме, где никто из порядочных граждан не хочет быть. В его воображении рисова-

лись городские ночи, где царит тьма, а свет струится лишь из окон, приветствуя его вылазки. Он заберёт у этих граждан всё, чем они дорожат, что они любят иметь за счёт других, за счёт попраения чести и достоинства таких, как он, выброшенных на обочину жизни. Да, теперь он знал свой путь, и он обрисовался слишком ясно в городской ночи.

Он представлял себя в тёмном пальто и кепке, берущим всё, что ему вздумается, у этих никчёмных людей, делая из них мокрое место и навсегда лишая их места под солнцем, к которому они так стремятся. Его место теперь под луной, среди таких же волков, как он, не давая проходу гражданам. В его мыслях он видел себя воющим волком на луну, в окружении своей стаи. «Моя стая, – думал он, – где же моя стая в этом подлунном мире? Я навсегда останусь под луной волком, выть на луну в её свете, в котором утону».

Его фантазии становились всё более яркими. Он представлял себя человеком, позади которого пляшет кордебалет на сцене, а сам он, в белой рубашке, чёрном жилете и чёрных брюках, танцует чечётку в центре зала. Зал наполняется посетителями за столами, в красивых одеждах, с дорогими яствами и вином, а он щёлкает пальцами, танцуя среди них. Эти мысли убаюкивали его, и он засыпал на лавке в камере, положив ладонь под щеку, погружаясь в сон, где его мрачные фантазии становились реальностью.

Глава 4. Сон и пробуждение

Во сне мужчина видел себя одетым в чёрный жилет, чёрные брюки и лаковые чёрные туфли, с белоснежной рубашкой, подчёркивающей его эффектный вид. Его тёмные волосы были аккуратно подстрижены, а внешность выглядела броской и уверенной. Он танцевал популярный модный танец, стуча каблуками правой ноги о пол, заводя левую руку за голову и приглаживая волосы. Затем он ставил правую руку на бедро, крутился, приседая в полуприседе, вставал и повторял те же движения, но теперь стуча левой ногой, а правой рукой приглаживая волосы. Его танец был полон энергии, а вокруг него, в воображаемом зале, звучали аплодисменты, когда он проснулся на деревянной лавке, но уже в парке. Под головой у него лежал серый пиджак из дорогой ткани, а сам он был одет в кепку, белую рубашку, чёрный жилет, чёрные брюки и чёрные ботинки – точно как во сне. Он сидел на лавке в парке, под ногами простиралась асфальтированная дорожка, окружённая зелёной травой. Солнце только вставало, его первые лучи заливали парк тёплым золотистым светом. Он шурился, глядя на яркий диск, поднимающийся над горизонтом, и чувствовал, что сегодня будет много дел, к которым он готов приступить прямо сейчас.

Отряхнув пиджак, он накинул его на плечи и пошёл, наклонив голову, в направлении набережной, виднеющейся

слева от парка. Затем он свернул правее, ступая по газонам, между деревьями. Его путь пролегал в более густую часть парка, где под раскидистыми клёнами стояли лавки. Зелёные кленовые листья колыхались на ветру, создавая приятную тень. В этом более тёмном уголке парка дорожка поднималась на пригорок, окружённый лесополосой, где свет едва проникал сквозь кроны деревьев, а вокруг становилось всё темнее.

Внезапно он вышел на открытую площадку на пригорке, откуда открывался потрясающий вид на широкую реку внизу. По воде, отражая первые лучи солнца, плыл пароход с широкой чёрной трубой. Его корма была выкрашена в белый цвет сверху, а нижняя часть, ниже ватерлинии, – в чёрный. С высоты пригорка корабль казался совсем маленьким, не больше тридцати сантиметров, плывущим по голубой глади. На фоне поднимающегося яркого солнца, окружённого лёгкими облаками, вид был завораживающим. Парень стоял, засунув руки в карманы, наблюдая за восходом и за маленьким кораблём, медленно приближающимся к причалу, который находился внизу слева.

Новый союз и планы

К холёному мужчине в чёрном жилете, белой рубашке, с накинутом пальто и серой кепкой подошёл невысокий молодой человек, почти юноша, в сером пиджаке на вырост и се-

рой кепке. Он приблизился сзади, и мужчина с тонкими усами повернулся к нему:

– Ты чего так рано сюда пришёл? Я же говорил, что мы собираемся в другом месте.

Молодой, слегка смутившись, ответил:

– Но ты ведь сказал, что я нужен тебе срочно по какому-то делу. Вот я и пришёл.

Холёный мужчина, посмотрев на него с прищуром, кивнул:

– Ну, раз пришёл, так давай с тобой сразу возьмёмся за дело и пощиплем людей с того корабля, – он указал на пароход, приближающийся к причалу на фоне голубой воды и восходящего солнца.

Молодой, с недоверием посмотрев на него, возразил:

– Ну так это же баре с гулянья причаливают, и ты хочешь их обобрать до нитки, чтобы потом что? Иметь проблемы на всю оставшуюся жизнь на свою задницу?

Мужчина, усмехнувшись, покачал головой:

– Тише, тише, кто сказал, что мы их обберём и обчистим? Нет, я такого не говорил. Я сказал, пойдём к ним и попробуем их пощупать на предмет толстых кошельков.

Молодой, прищурившись, переспросил:

– А, так вот как теперь это называется – пощупать? – В его голове тут же возник образ пухлого кошелька коричневого цвета, застёгнутого на кнопку, внутри которого лежало множество бумажных денег. – Так, значит, мы пойдём их просто

пощупать за кошельки, правильно я тебя понял?

Мужчина, кивнув, подтвердил:

– Да, именно это я и сказал – просто пощупать.

Молодой, всё ещё сомневаясь, уточнил:

– И что, мы ничего не будем брать у них? Просто щупать?

– Просто щупать. Именно так я и сказал, – кивнул мужчина, снова уставившись на подходящий к причалу корабль, на котором уже были видны пассажиры навеселе, готовящиеся к спуску на причал.

Они развернулись и направились к причалу, их шаги были уверенными, а взгляды – цепкими. Вскоре они заметили спускающихся по трапу пассажиров и начали ловко ощупывать граждан, которые натыкались на них, проходя мимо, не обращая никакого внимания на случайно стоящих людей. Мужчины что-то говорили дамам, которые восторженно смотрели на них, дети с шариками подпрыгивали и махали ими, важные мужчины в костюмах и шляпах или просто мамочки с детьми на руках случайно натыкались на парней на причале, спеша по своим делам. Солнце поднималось всё выше, заливая причал ярким светом, а река искрилась под его лучами, создавая вокруг атмосферу утренней суety и беззаботности. Ветер с реки приносил прохладу, а запах воды смешивался с ароматом утренней росы, создавая ощущение нового начала.

Глава 5. На причале: игра в кошки-мышки. Улов на причале

Утреннее солнце поднималось всё выше над рекой, заливая причал ярким светом. Голубая гладь воды искрилась под его лучами, отражая безоблачное небо, а лёгкий ветер приносил с реки прохладу, смешиваясь с запахом утренней росы и едва уловимым ароматом речной воды. Причал, выложенный гладкими досками, блестел от влаги, оставшейся после ночного тумана. Вдалеке виднелись зелёные берега, поросшие сочной травой и деревьями, которые колыхались на ветру, создавая живописный фон для этого утреннего спектакля. Пароход, недавно причаливший, всё ещё покачивался на воде, его белая корма и чёрная нижняя часть контрастировали с яркой синевой реки, а из широкой чёрной трубы вился тонкий дымок, растворяясь в воздухе.

Двое, мужчина в чёрном жилете, белой рубашке, чёрных брюках и серой кепке, и его молодой спутник в сером пиджаке на вырост, стояли на причале, даже когда последние пассажиры разошлись. Их фигуры выделялись на фоне пустынного пространства, а их взгляды были цепкими, словно они оценивали итоги своего утреннего «улова». Мужчина, с лёгкой усмешкой на лице, держал в руке толстый кошелёк-раскладушку из светлой бежевой кожи, застёгнутый на кнопку.

Он внимательно осмотрел его, затем ловко засунул в правый карман брюк. Слева, на руке, у него был переброшен серый пиджак, и, не торопясь, они с молодым направились к выходу с причала, их шаги были размеренными, а настроение – приподнятым.

Пустынный причал выглядел умиротворённо: несколько скамеек из светлого дерева стояли вдоль края, готовые принять усталых путников, совсем рядом пролетали чайки, издавая резкие крики. Вода у берега плескалась о сваи, создавая ритмичный звук, который смешивался с шелестом листвы на дальнем берегу. Солнце заливало всё вокруг тёплым золотистым светом, подчёркивая красоту этого утра, но для двух парней на причале этот пейзаж был лишь фоном для их собственных планов и игр.

Внезапно тишину разорвал резкий свисток, и из-за угла набережной к ним навстречу выбежали мужчины в зелёной форме с красной отделкой и чёрных сапогах. Их движения были быстрыми и уверенными, а форма, аккуратно выглаженная, сияла на солнце золотистыми пуговицами. Впереди бежал полный мужчина в форме цвета хаки, с кожаным коричневым ремнём, на котором блестела золотистая бляшка со звездой. Он остановился прямо перед мужчиной в жилетке, засунул большие пальцы рук под ремень и, выпятив грудь, посмотрел на него с чувством явного превосходства. Сзади его уже догнали подчинённые – молодые парни в кепок и такой же форме цвета хаки, их лица были серьёзны, а

взгляды – насторожены.

– Так-так, – начал толстый офицер, его голос звучал с насмешкой и угрозой, а палец указывал на мужчину в жилетке. – Так-так, значит, это ты украл мой бумажник.

Мужчина, не теряя самообладания, ответил с лёгкой улыбкой, показывая на себя кистью с растопыренными пальцами:

– Я? Я вас не знаю. Не смейте обращаться ко мне с такими претензиями, которые ко мне не имеют никакого отношения. Вы можете говорить что угодно, но вы не можете обвинять честных порядочных людей в том, чего они не делали и не совершали.

Его тон был спокойным, но в голосе чувствовалась уверенность, а взгляд, направленный на офицера, был твёрдым, почти вызывающим. За его спиной молодой спутник стоял молча, слегка наклонив голову, но его глаза внимательно следили за происходящим, словно он был готов к любому повороту событий.

Словесная дуэль

Офицер, не отступая, продолжил, его лицо покраснело от раздражения, а голос стал громче:

– Что значит не делали и не совершали, когда я видел в вашей руке мой кошелёк!

Мужчина, сохраняя невозмутимость, слегка прищурился

и ответил:

– Ваш кошелёк? Какой такой ваш кошелёк? Это мой кошелёк! Сами смотрите.

Он достал из кармана кошелёк, раскрыл его и показал содержимое офицеру, его движения были уверенными, а на лице играла лёгкая усмешка. Внутри кошелька виднелись несколько купюр и мелочь, аккуратно сложенные в отделениях.

– Вы и теперь будете утверждать, что это ваш кошелёк? – добавил он, чуть наклонив голову.

Офицер, растерявшись, снял фуражку и начал смущённо тереть лоб, его взгляд метался в сторону, избегая прямого контакта с глазами мужчины.

– Ну... так это... Извиняйте, ошибка вышла, – пробормотал он, явно чувствуя себя неловко. – Ну так это, извиняйте-сь, ошибка вышла. Прошу прощения, я отклоняюсь.

Но мужчина, не давая ему так легко уйти, шагнул вперёд, его голос стал строже, а взгляд – острым:

– Нет уж, погодите, вы тут мне всякого наговорили, а я должен просто вас простить за то, что вы меня назвали вором?

Офицер, почёсывая лоб и всё ещё держа фуражку в руке, смотрел куда-то в сторону, пытаясь избежать прямого ответа.

– Нет, я такого не говорил, – пробормотал он, – я только сказал, что у вас мой кошелёк, и всё. Больше я ничего не

говорил.

Мужчина, не отпуская его из словесного захвата, продолжил:

– Так вы утверждаете, что я взял ваш кошелёк у вас из кармана и после этого говорите, что я не... не вор? Я вас правильно понимаю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.